

деленные потребности в образовании, но и указывать своим воспитанникам способы и пути его получения из источников, функционирующих вне школы.

«Открытая школа» требует и соответственно подготовленных педагогических работников. В процессе подготовки и совершенствования этих кадров как высшие учебные заведения, обучающие кандидатов на должности педагогов, так и действующая в настоящее время система их профессионального совершенствования должны прежде всего дать педагогу гораздо больше знаний о воспитательных средах, а также о методах диагностирования и организации таких сред. Эти знания должны быть подкреплены практикой, чтобы учитель был как научно, так и практически подготовлен в области диагностирования самых разнообразных, сложных потребностей, обусловленных средой, чтобы уметь организовать в этих целях функционирующую воспитательную среду.

Таким образом, «открытые школы» являются особой формой организации обучения и воспитания детей, молодежи и взрослого населения. В сельских поселениях перед ними стоят следующие задачи: обеспечить возможность получения желающими, независимо от их возраста, общего среднего образования; расширить воспитательную опеку над детьми дошкольного возраста; организовать обучение учащихся, имеющих небольшие дефекты и от-

клонения от норм развития; предоставить отстающим в развитии детям возможность окончания основной школы с одновременной профессиональной подготовкой; организовать свободное время учеников при активном участии родителей, а в особенности популяризировать физкультуру, спорт, культурно-просветительную деятельность; организовать по мере потребности и возможности обучение желающих на уровне профессионального лица; развивать постоянное обучение и повышение уровня общей педагогической и профессиональной культуры взрослых; выступить инициатором создания образовательной среды и координатором.

Резюмируя изложенное, можно заключить, что в системе общего образования на селе должна использоваться дидактическая система, дающая необходимый минимум профессиональных знаний, а главное – способность выпускника к самообучению, умению добывать нужную информацию самостоятельно, а также организовывать свою деятельность кооперативно для большей эффективности труда. Именно открытость образовательной системы позволяет сформировать эти необходимые способности, умения и навыки. Открытую образовательную систему следует рассматривать как компоненту единого социально-экономического пространства.

Но построение ее должно происходить на научной основе с разработкой и прогнозированием ожидаемых результатов.

Литература

1. Турченко В.Н. Интеграция как фундаментальный принцип образовательной революции // Политика в сфере образования. За возрождение России. Новосибирск, 1999.
2. Поляков В.А. Комплексное исследование проблемы подготовки учащейся молодежи к труду в условиях рынка. М., 1992.
3. Атутов П.Р. Концепция политехнического образования в современных условиях // Педагогика. 1999. № 2.

Н.Н. Витченко

НЕКЛАССИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ: СТРАТЕГИЯ CASE-STUDY И МЕТОДОЛОГИЯ КОНСТРУКЦИОНИЗМА

Томский государственный педагогический университет

Главной характеристикой постсовременного мира, ориентированного на видение реальности через призму познавательных средств, становится познание, предполагающее выявление не столько онтологического смысла (что познается), сколько эпистемологического (как познается), обуславливающее более явный интерес неклассической философии и когнитологических дисциплин к гносеологической проблематике. Стремление к «тематизации» homo cognoscens (человека познающего), не своди-

мого к узко понимаемой гносеологической категории субъекта, к преодолению абстракции субъект-объектного отношения, помещаемого в коммуникативное пространство культуры, свидетельствует о принципиальном переосмыслении понятийного аппарата и проблемного поля теории познания.

Неклассическая теория познания, формирующаяся в процессе соединения усилий, предпринимаемых представителями различных дисциплин, направлена на преобразование классической, сциентистски ори-

ентированной теории познания в социально-гуманитарное синтетическое видение гносеологической проблематики, особое внимание уделяющее дескриптивному методу. Она обращена к конкретной фактуре общества, истории, культуры, человеческих переживаний, что диктует, по мнению И.Т. Касавина, усиление тенденций историзации и социологизации эпистемологии в качестве ведущих в процессе переосмысления принципов теоретико-познавательного анализа [1, с. 5–13].

Роль и значение истории для теории познания, как отмечает И.Т. Касавин, в наиболее артикулированном виде была продемонстрирована в историко-научных исследованиях С. Тулмина, Т. Куна, Дж. Холтона, К. Хюбнера, стремившихся показать, что «историко-научная и историко-культурная реконструкция представляет собой не просто один из приемов современного эпистемологического исследования, но неотъемлемый элемент последнего» [1, с. 8]. Для исторически ориентированной эпистемологии интерес представляет не эмпирический исторический материал и не теоретический уровень исторического познания; она имеет дело «с исторической ситуацией, которой придается форма универсального представителя многообразия конкретных событий»; в ней идея историзма соединяется с представлениями о культурной относительности; «для нее важнее всего схватить характер эпохи» [1, с. 9–10].

Социологизация эпистемологии и перспектива создания социальной эпистемологии оценивается некоторыми эпистемологами не просто как одна из возможных версий теории познания, но как ее единственная перспектива [2]. Например, М. Даскал настаивает на том, что социальные взаимодействия между людьми должны рассматриваться как глобальный контекст, «учет которого позволяет сорвать покров тайны с ментальных процессов», а задача эпистемологии, на его взгляд, состоит не в инспекции ментальных репрезентантов, а в исследовании механизмов аргументации, обладающих ярко выраженными социальными характеристиками [3, р. 42].

Л.А. Микешина и М.Ю. Опенкин, проанализировав основные стратегии развития современной теории познания и новые подходы к знанию и познавательной деятельности, полагают, что ведущей тенденцией является стремление найти понятийно-логические формы для постижения социальной обусловленности познавательной проблематики [4, с. 4–8]. С этой оценкой согласуется мнение Н.П. Лукиной, справедливо полагающей, что проблемы гносеологии могут получить системное осмысление в том случае, если в качестве системообразующих детерминаций используются социокультурные характеристики субъекта познания. Такое объединение гносеологических и социокультурных схем, на ее взгляд, «способно дать импульс

дальнейшему развитию теории познания» [5, с. 157]. Являясь более радикальным, мнение Р. Рорти примыкает к выводам, сделанным отечественными исследователями. Он полагает, что анализ тенденций развития постэмпирической теории познания совершенно ясно демонстрирует, что «заменяют» эпистемологию история и социология науки [6, с. 167].

«Открытие» социокультурного измерения познавательного процесса в рамках постэмпирической эпистемологии предполагает не только наличие, но и активное присутствие (скорее, даже неразрывное единство) эпистемических и социальных ценностей. Аксиологическое измерение и понятие ценности, как полагает А.А. Ивин, столь же важно для эпистемологии и методологии науки, как и понятие истины, поскольку эти два фундаментальных понятия взаимно дополняют друг друга [7, с. 54]. Он считает ошибочным убеждение, будто истина является свойством мысли, правильно отображающей действительность, а ценность, в отличие от нее, – свойством вещи, отвечающей каким-то целям, намерениям, планам и т.п., и вводит понятие ценности в контекст познавательного отношения, рассматривая его как отношение между мыслью и действительностью. Выделяя в познавательном отношении два аспекта – описательный и оценочный, он полагает, что в первом случае отправным пунктом сопоставления является ситуация, а утверждение выступает как ее описание в терминах понятий «истинно» и «ложно». В случае оценочного отношения исходным является утверждение, функционирующее как стандарт, перспектива, план, а соответствие ему ситуации характеризуется в терминах понятий «хорошо», «безразлично» и «плохо». Истинным является утверждение, соответствующее описываемой им ситуации. «Позитивно ценна ситуация, соответствующая высказанному о ней утверждению, отвечающая предъявляемым к ней требованиям» [7, с. 54–55].

Он полагает также, что нет никаких оснований считать, что описательная функция языка является первичной или более фундаментальной, чем его оценочная функция, а противопоставление описаний и оценок – это, на его взгляд, «неоправданное упрощение сложной картины употреблений языка». Не являются случайными, на его взгляд, утверждение Д. Остина о том, что «надо отменить привычное противопоставление “нормативного или оценочного фактическому”» [8, с. 117], и мнение Д. Серля о том, что необходимо разработать более серьезную таксономию, «чем любая из тех, что опираются на весьма поспешные обобщения в терминах таких категорий, как “оценочный/описательный” или “когнитивный/эмотивный”» [9, с. 169].

Формами воплощения ценностного отношения в языке науки являются понятие «знание», в кото-

ром содержится неявное противопоставление слепой вере, и понятие «рациональность», поскольку «введение подобных понятий редко обходится без одновременного привнесения неявных оценок». Характеризуя специфику моральных оценок и норм, А.А. Ивин показывает, что они «входят в рассуждение в форме оценок (норм) других видов, составляя их своеобразный аспект или акцент, поэтому оценка (норма) едва ли не каждого вида может выражать также моральную оценку (норму)» – все это означает, что понятие «морального рассуждения» – несомненная идеализация [7, с. 62].

В науке, на его взгляд, почти все определения имеют двойственный, дескриптивно-прескриптивный характер, поэтому трудно провести границу между реальными определениями, описывающими некоторые объекты, и номинальными определениями, требующими наличия у них каких-то свойств. Точно так же является двойственной природа общих принципов и законов научной теории, описывающих и объясняющих факты, поскольку они действительно являются, с одной стороны, описаниями соответствующих эмпирических данных и эмпирических сообщений, а с другой – стандартами оценки других утверждений теории и самих фактов.

Моральные принципы, по мнению А.А. Ивина, имеют двойственный – дескриптивно-прескриптивный характер. Будучи повернуты к действительности регулятивным, оценочным лицом, а к ценности – своим «действительным», истинностным лицом, они оценивают действительность с точки зрения ее соответствия ценности, идеалу, образцу, ставя одновременно вопрос об укорененности этого идеала в действительности. Аналогичную дескриптивно-прескриптивную природу имеют и законы науки, но, в отличие от моральных принципов, в которых явно доминирует прескриптивное, оценочное начало, для научных законов ведущим является описательный момент. Таким образом, полагает А.А. Ивин, «проблема не в том, чтобы заменить добро в области этики истиной, и не в том, чтобы заместить добро чем-то, что напоминало бы истину и связывало бы, подобно ей, мораль с действительностью. Задача в выявлении взаимосвязи и взаимодополнения истины и добра» [7, с. 67–68].

Оставляя за рамками нашего анализа вклад в аксиологизацию гносеологии целого ряда философских и социологических концепций, реализующих неокантианскую, веберовскую, феноменологическую, интеракционистскую и другие версии аксиологии, отметим, что проблема ценностей была сформулирована и разрабатывалась именно на примере познавательной ценности – ценности

истины, однако известна и другая попытка, предпринятая Э. Кассирером, «уравнять в правах» все ценностные формы. Становление и развитие аксиологии непосредственно связано с выявлением роли ценностей в познании, а проявление ценностного отношения к познаваемым явлениям и процессам осмысливается в ней через категории «понимания» и «осмысления».

Даже поверхностный анализ тенденций историзации, социологизации и аксиологизации гносеологии, выделяемых в качестве ведущих в формирующейся неклассической теории познания, позволяет утверждать, что они не являются самостоятельными или параллельно развивающимися, а могут быть рассмотрены как единая стратегия, представленная, на наш взгляд, в наиболее оформленном виде в междисциплинарной исследовательской стратегии «case studies». Эта стратегия, как отмечает И.Т. Касавин, «переворачивает традиционное отношение между эпистемологией, с одной стороны, и историей и социологией знания – с другой, как между общим и частным. Исторические и социологические примеры теперь не столько подтверждают или иллюстрируют теорию познания, сколько “показывают” (по Витгенштейну) многообразие типов и форм знания, образующее реальный познавательный процесс. Тем самым оказывается влияние на теоретический статус эпистемологии вообще, в которой начинают преобладать не теории, а методы и подходы» [1, с. 13]. Ориентация как исторической, так и социальной эпистемологии на исследовательскую стратегию «case studies» отражает в целом стремление к междисциплинарности и интегративные тенденции постнеклассической теории познания, пересматривающей традиционные методологические представления, сложившиеся в рамках дисциплинарных исследований, предпринимающей попытку найти такие методологические установки, которые способны обеспечить активность контактов и нарастание диалога между дисциплинарными подходами. Историческая и социальная эпистемология стремится к стиранию демаркационных линий, возведенных между науками о познании, препятствующих утверждению принципа открытости и достижению согласованности.

При всем разнообразии определений в самом общем виде под исследовательской стратегией «case studies»¹ подразумеваются такие исследовательские приемы, когда на основе детального изучения одного или нескольких случаев раскрывается содержание глубинных процессов, посредством их множественной интерпретации, позволяющее учи-

¹ Здесь следует подчеркнуть, что, в отличие от И.Т. Касавина, мы рассматриваем «case studies» в качестве исследовательской стратегии, а не методологии, что и попытаемся обосновать в ходе дальнейших рассуждений.

тывать новые тенденции развития в начальной стадии их становления [10].

Многочисленные описания практики использования этой стратегии, как правило, содержат довольно слабые указания на ее теоретико-методологические основания. Сложившись первоначально в практике медицинских и психологических исследований, направленных на детальный анализ индивидуального случая, представляющего динамику и специфику заболевания, метод *case-study* предполагал, что можно получить знание о феномене с помощью интенсивного исследования единичного случая [11, р. 232–238]. Исследовательская стратегия «классического *case-study*» в социологии (прежде всего в «понимающей»), сформировавшаяся в 20–30-е гг. XX в., заключалась, согласно представлениям Ч. Кули, в детальном изучении различных аспектов отдельного случая, изучаемого холистически в рамках социального контекста, с целью репрезентации и понимания социальных процессов, позволяющих в дальнейшем «предвидеть направление их развития» [12, р. 123–132].

В дальнейшем проявление повышенного интереса к данной исследовательской стратегии в постмодернистских исследованиях обусловлено стремлением к переосмыслению традиционных критериев объективности и научности, к устранению демаркации субъекта и объекта исследования от социально-исторической и культурной картины мира. Определения *case study* в социальных, исторических, антропологических, психологических и других дисциплинарных исследованиях фиксируют факт предрасположенности данной стратегии, рассматриваемой именно как стратегия, а не как метод, к соединению разноплановых источников информации, позволяющему изучать феномен (или феномены при сравнительном исследовании нескольких случаев) в его контексте, когда границы между феноменом и социальным контекстом неочевидны [13, р. 23]. В качестве феномена могут рассматриваться образцы поведения, образцы отношений и взаимодействия, степень их распространенности в социальных структурах и организациях, неформальные или маргинальные общности, конкретные события или уникальные явления и т.д.

В выводе, сделанном И.М. Козиной, проанализировавшей возможности и отличительные особенности логики *case-study* как самостоятельной исследовательской стратегии, подчеркивается ее связь с историческими методами и приемами исследования, также направленными на анализ максимально возможного для данного случая круга источников, сбор всех существующих фактов и доказательств,

их научное объяснение. В *case-study*, полагает она, исследователь опирается на множество технических приемов историка, он также не может рассматривать свой «случай» в отрыве от исторического контекста, что позволяет получить более глубокую информацию о латентных процессах, скрытых механизмах социальных отношений, реконструировать сферу неформальных отношений и ценностного сознания, оказывающего влияние на познавательную деятельность, понять уникальность каждого объекта, выделив в то же время общие черты для дальнейшего обобщения [14, с. 8–9].

Рассматривая различные виды данной стратегии, И.М. Козина полагает, что наиболее близка к историческим методам исследования монографически ориентированная стратегия *case-study* в сравнении с этнографической и биографической. На наш взгляд, исторически ориентированные исследования эпистемологической проблематики в рамках неклассической теории познания, также как и социальные исследования науки, ориентированы прежде всего на принципы монографической стратегии¹, направленной на «изучение отдельного социального явления, процесса, социальной группы, индивида или другого социального объекта. Собирается очень подробная и полная информация, что обеспечивает возможность глубокого анализа многих специфических деталей. Исследование основано на предположении, что изучаемый социальный объект типичен для некоторой совокупности и поэтому выводы, полученные для объекта, могут быть распространены на всю совокупность» [15, с. 459].

Принципы монографической стратегии *case-study* – комплексность, системное изучение отдельного случая на основе подробной и полной информации, способной обеспечить целостное представление об объекте, – предполагают многосторонний подход к изучаемому объекту, обращение исследователя к проблематике и различным методам «пограничных» дисциплин – психологии, экономики, истории, этики, права и т.д., таким образом, *case-study* следует рассматривать не как специальную методологию, а как сочетание разнообразных методов сбора и анализа данных в рамках единой исследовательской стратегии изучения случая.

Эта стратегия не включает в методологию и методику своего исследования методы причинного, факторного или статистического объяснения. Споры о возможности выдвижения общих законов и подведения отдельных случаев под этот закон, здесь выносятся за скобку методологии, поскольку не считаются релевантными. Делая акцент на методах описания, это направление проводит мысль о нар-

¹ Являясь доминирующей стратегией, монографические *case studies* тем не менее не вытесняют этнографические или биографические. Например, К. Кнорр-Цетина известна своими этнографическими описаниями науки, а представители «сильной программы» в социологии научного знания активно используют стратегию биографического *case-study*.

ративности исследования, о повествовательности не только форм, способов и стиля изложения, но и самих методов исследования. Соответственно сужается тот методологический аппарат, который может быть использован при таком акценте на нарративности методологии, – почти не применяются методы причинного объяснения, математические методы обработки массива данных, типологические методы. Уникальность изучаемого события влечет за собой прежде всего нарративность методологии, ограничение ее методами описания.

Однако монографическая стратегия не представляет собой хаотичное нагромождение методов, фактов и другого эмпирического материала и не является аналогом «супового набора» – механического объединения и суммирования накопленных в рамках этих наук сведений и традиций. Глубина понимания сущности феномена, изучаемого в рамках монографической стратегии case-study, зависит от теоретической системы, придающей фактам логический порядок, обеспечивающей их рациональную интерпретацию и теоретическое осмысление как на микросоциальном, так и на макросоциальном уровне. В качестве «теоретического фона» в такого рода исследованиях присутствуют, как правило, различные версии интерпретативной парадигмы, ведущей свое происхождение от Г. Зиммеля и М. Вебера, «открывших» конститутивную роль человеческой субъективности и целенаправленной деятельности в создании социального мира как предмета социальных наук, принципиально отличного от физического мира причин и действий.

Проанализировав интерпретативную традицию, отличающуюся многообразием «интеллектуальных корней», И.Ф. Девятко выделила в ней «умеренную» (более ранняя, обоснованная классиками – М. Вебером, например) и «радикальную» (новейшие интерпретативные теории) версии. Радикализация в рамках этой доктрины, на ее взгляд, осуществляется посредством отказа от классических идей независимости социального мира от человеческой субъективности, пересмотра идеи причинной обусловленности и принятия тезиса «социального конструирования реальности» [16, с. 72–73]. В этой связи полагаем, что суть отмеченной «радикализации» методологии и методов интерпретативной традиции заключается не в очевидном для наблюдателя «внезапном» переходе на позиции конструкционизма, а в более глубинных процессах, обусловленных формированием конструкционистской эпистемологической программы, альтернативной классической, основные принципы которой в наиболее развернутом виде, на наш взгляд, изложены К.Дж. Джердженом, автором понятия «социальный конструкционизм» и его главным теоретиком на протяжении последних трех десятилетий [17].

Как известно, проблематизация познавательного процесса в традиционной гносеологии обусловлена рядом методологических ограничений, направленных на отказ от исследования его антропологического и социокультурного измерения и абсолютизацию субъект-объектного характера познавательного акта. В ней реализуется натуралистический подход к познанию, ориентированный на понимание природы познания как отражение фактов объективного мира в индивидуальном сознании, исследование его естественных и психологических механизмов. Объективность, имеющая в ее рамках чрезвычайно высокий, почти сакральный статус, понимается как результат адекватного воспроизведения фактов в индивидуальном сознании, наблюдающем «мир как он есть», и является следствием индивидуальных ментальных усилий и процедур «десубъективации» восприятия и представления, т.е. освобождения их от любых личностных атрибутов – желаний, симпатий, интенций, предубеждений и т.д.

По мысли К.Дж. Джерджена, использующего сформулированную Кантом стандартную версию «истории современной философии», история классической европейской эпистемологии – это многовековое «маятниковое движение» между двумя бинарными оппозициями – рационализмом, который стремился свести ощущения к концепциям, и эмпиризмом, стремившимся сделать обратное. Картезианское противопоставление сознания и мира и «злосчастная историко-философская метафора сознания, как зеркала внешнего мира» [17, р. 40] породили массу эпистемологических трудностей, главной из которых является классическая психофизическая проблема, преодоление которой возможно, с одной стороны, посредством элиминации дуализма субъекта и объекта, с другой – создания неиндивидуалистической эпистемологии.

Новейший эпистемологический поиск, направленный на преодоление эмпиристско-рационалистической бинарности, унаследованной от эпохи Просвещения, разворачивающийся за гранью многовекового эпистемологического спора эмпиризма и рационализма, в плоскости, обозначаемой как социальная эпистемология, ориентирован на формирование видения познавательной деятельности как области коммуникативного смылосозидающего взаимодействия ее участников.

Данная модель антиэмпиристской эпистемологической концепции строится на радикализации главного тезиса картезианства, отождествившего сомнение и индивидуальное сознание (разум) как гарант реальности сомнения. Сомневаться – значит, рассуждать о предмете и процессе сомнения; рассуждать – значит, применять слова, обладающие значением, т.е. пользоваться языком. Следовательно

но, сомнение – это реальность, выраженная в языке и посредством языка, или элемент дискурса. Но оперирование языком, являющимся совокупностью осмысленных значений, – это и есть коммуникация как взаимодействие индивидов, вступивших в отношения социальной взаимозависимости. Как утверждает К.Дж. Джерджен, «если бы не было взаимозависимости, т.е. совместного созидания смыслодержающего дискурса, не было бы ни “объектов”, ни “действий”, ни способов сомневаться в их реальности... в конечном счете, все, что обладает значением, произрастает из сферы отношений. Сказанное означает, что геометрическим местом точек познания – вместо индивида – становится сфера его отношений» [17, р. VIII–X].

Традиция рассмотрения субъект-объектных отношений в сфере познания через призму общения, диалогов субъектов, т.е. через коммуникативные связи и отношения, в наиболее артикулированной форме представлена в рамках «социально-коммуникативной» эпистемологии, разрабатываемой теми течениями гуманитарной и социальной мысли последних десятилетий, центром научных интересов которых является язык. Эпистемологический «постэмпирический» поиск в философии, социолингвистике, социологии, направленный на формирование нового видения социальной реальности как области коммуникативного смыслосозидающего взаимодействия социальных «акторов», предполагает соответствующую трансформацию эпистемологических оснований на основе интерпретации познавательного процесса как сферы языковой коммуникации членов сообщества и процесса создания социальных смыслов.

Разочарование в логико-эмпиристских представлениях об истинности и объективности научного знания, выраженного посредством языка, как способа отображения, отражения, сохранения, передачи и хранения объективного знания, обуславливает потребность в создании концепции познания, альтернативной индивидуалистической, одним из наиболее известных вариантов которой является конструкционизм. В своем стремлении найти основания для пересмотра природы языка с точки зрения понимания его как средства сообщения научных представлений о мире и прояснения его роли в социальной практике конструкционизм обращается не к философии, а к принципиально иным сферам интеллигибельности – идеологическому, литературно-критическому и социологическому дискурсам, которые, согласно К.Дж. Джерджену, «не видят логических оснований для постулирования однозначной связи между словом о мире и самим миром» [17, р. 33].

Идеологическая интеллектуально-критическая тенденция, в наиболее отчетливом виде проявившаяся

в работах представителей франкфуртской школы, стремящихся «обнаружить ценностные пристрастия, скрывающиеся под покровом ученых притязаний на истину и разум», ориентирована на анализ классовых, политических, религиозных, нравственных и других мотиваций, скрывающихся за ценностно-нейтральным образом научной рациональности. Социальному конструкционизму импонирует стремление идеологической критики переосмыслить принцип объективности и «реконструировать язык описаний и объяснений как язык мотивов, лишив, таким образом, последний статуса проводника истины» [17, р. 36], что позволяет проникнуть за пределы научной экспликации принципов объективности, истинности, суверенности и т.д.

Согласно постструктуралистской литературной критической концепции, экспликация событий, их описание и объяснение обусловлены правилами литературной экспозиции и передачи смыслов, поэтому, как поясняет К.Дж. Джерджен, постструктурализм, в отличие от идеологической критики, не выпускает научные экспликации за пределы фиксирующих их литературных текстов, а подводит к такому пониманию познавательного отношения, при котором «предмет объяснения – как независимый от этого объяснения – теряет онтологический статус» [17, р. 37].

С этой точки зрения, особый интерес для социального конструкционизма представляет теория литературной деконструкции Ж. Дерриды и его критика «метафизики присутствия» как главного постулата традиционной эпистемологии, открывающая иной взгляд на взаимосвязь мира и человека. Традиционная эпистемология, базирующаяся на оппозиции субъект-объектных отношений, исключает из процесса познания истины письмо и язык и стремится описать мир таким, каков он есть сам по себе, «а все эти вспомогательные средства, в том числе и письменность, должны быть прозрачными посредниками, ничем не замутняющими эту истину, нейтральными средствами фиксации истины» [18, с. 8]. Отказавшись от различия внешнего выражения высказывания в языке и его внутреннего бытия в форме мысли, Деррида сформулировал тезис о зависимости значения высказывания от языковых форм и текстов. Деконструкция изменяет представления о понятии истины, демонстрируя тот факт, что текст – это бесконечность смыслов и значений, неоднозначных, с точки зрения их понимания и интерпретации, и сомнительных, с точки зрения истин, заложенных в нем. Поскольку текст соотносится не с объективной реальностью, а только с языком и его знаками, то фокус эпистемологического анализа смещается с объекта представления («фактов» или «рациональных аргументов») на средства выражения этого представления. Как спра-

ведливо заметила по этому поводу Е. Гурко, «деконструкция ориентируется на множественность смыслов, на отсутствие единой матрицы значения текста, на принципиальное его “многоголосие”, которое отнюдь не сводится к единогласию истины/значения»; деконструкция, на ее взгляд, означает «либерализацию письменной основы текста, приводит к высвобождению колоссального количества новых, незамеченных ранее никем (в том числе и авторами данных текстов) смысловых оттенков и значений» [18, с. 8].

Таким образом, значение метода деконструкции для формирования гносеологии и логики парадигмы социального конструкционизма состоит в том, что, указывая на метафору «сознание как зеркало реальности», как на источник многовекового спора эпистемологических традиций эмпиризма и рационализма, деконструкция, стремящаяся к «расшифровке» и замещению смыслов, рассматривает в качестве источника человеческого знания языковую практику.

Социология знания – это третье направление, оказавшее влияние на социоконструкционистскую трансформацию западной эпистемологической традиции. Социология знания (термин был введен Максом Шелером в 1920-е гг.) первоначально являлась маргинальной специальностью, возникшей в философском контексте, на которую смотрели как на социологическое истолкование истории идей. Ее основная тематика и интенции были обозначены классиками социологии; например, Э. Дюркгейм выводил некоторые когнитивные аспекты разума из социального. В «Элементарных формах религиозной жизни» он утверждал, что категории время, материя, пространство, понятие действенной силы – главного элемента категории причинности – выражают фундаментальные отношения между социальными вещами, имеют социальное происхождение. Дюркгейм полагал, что иерархия, т.е. классификация, идущая от низшего к высшему, является копией социальной иерархии, поскольку «представления, образующие ткань этой жизни, выделяются из отношений, которые устанавливаются между определенным образом соединенными индивидами» [19, с. 233]. Сводя когнитивный аспект разума к социальному, Дюркгейм считал категории и абстрактные идеи производными от социального порядка.

Приведенные высказывания Дюркгейма идут в направлении социологии знания, однако объяснение в этих категориях еще не составляет полной системы дисциплины, а единственным достоверным свидетельством его интереса к ней является выбор социального дискурса в качестве базисного для объяснения развития знания. Сказанное относится также к В. Парето, который близко подошел к написанию истории мысли в социологических терминах, что делает его систему важной для понима-

ния предпосылок социологии знания. Мы не рассматриваем здесь его концепцию, а также некоторые другие (например М. Вебера), которые можно было бы отнести к социологии знания, хотя авторы не считали их таковыми. Мы ограничимся анализом тех концепций, в которых осуществлялось формирование интересующего нас социального подхода в анализе гносеологической проблематики, а именно – принципа связи между знанием и его социальной основой, поэтому исключаем другие эпистемологические и методологические проблемы, волновавшие основоположников социологии знания.

На наш взгляд, наиболее успешную попытку (не получившую, к сожалению, должного признания до сегодняшнего дня) установить характер отношений между социальными условиями, типом принадлежности к социальной форме и теоретическими концептами предпринял Г. Зиммель. Он доказывал наличие корреляции между знанием (образованием понятий и способами интеллектуального схватывания) и социальными условиями существования, а также параллелизм форм познания и форм социальной организации, утверждая, что социокультурные изменения фундируют появление определенных концептов и интеллектуальных ориентаций, и наоборот. Рассматривая, например, теорию эволюции, он писал: «Прежняя точка зрения полагала между родами органического мира такие резкие границы, видела между ними такое незначительное существенное сходство, что могла верить не в общее происхождение, а только в обособленные творческие акты... Новая точка зрения... разрушает мнимое существенное различие между чисто индивидуальными и родовыми свойствами; таким образом, она рассматривает всеобщее в еще большей всеобщности, а индивидуальное в еще большей индивидуальности, чем это было доступно прежней теории. И таково именно то дополнительное отношение, которое обнаруживается и в реальном общественном развитии» [20, с. 344].

Полагая, что в категориях содержится не только субъект-объектное, но и субъект-субъектное отношение, Г. Зиммель предпринял попытку обнаружить в категориальных формах и формальных свойствах разума общественные отношения, задающие масштаб отношения к внешнему миру. Конкретизация эпистемологической концепции Г. Зиммеля возможна через экспликацию понятий «форма» и «a priori» как предпосылок всякого познания, аналогами которых, по мнению французского социолога Р. Будона, являются такие понятия, как «парадигма», «интеллектуальные рамки», «форма», «тема», «гипотеза», в той мере, в какой они являются характеристикой условий восприятия и познания. Подчеркивая близость концепции Г. Зиммеля к современным эпистемологическим вопросам и

вводя демаркационный аспект в схему «социальное-когнитивное» у Э. Дюркгейма и Г. Зиммеля, он утверждает, что последнему удалось избежать преувеличений дюркгеймовского социологизма, поскольку он связывал социальные условия и идеи отношением взаимной причинности. Он полагал, что смысл связи между мыслительными процессами и социальными формами заключается в том, что последние являются результатом наших представлений, или «продуктом души» [21].

Центральной проблемой социологии знания в той формулировке, в какой она определялась самими основателями этой дисциплины, является проблема «возможности знания, независимого от социального влияния». Однако в ходе дальнейшего развития социологии знания вопросы, касающиеся автономии знания, были практически исключены из контекста методологии, и исследование сосредоточилось на социологической импликации термина «знание». История этой дисциплины является историей различных ее определений, наиболее общим из которых является утверждение, что предметом социологии знания является взаимосвязь форм человеческого мышления и социального контекста, в рамках которого оно возникает. Формы и характер взаимосвязи в истории социологии знания определялись по-разному. Например, М. Шелер считал, что общество определяет только круг идей, теорий и других «идеальных факторов», а само содержание идей не зависит от «реальных факторов» (социально-исторического контекста) и недоступно социологическому анализу.

Определение социологии знания К. Мангеймом было более широким по сравнению с интенционально ограниченной моделью М. Шелера и отличается от него (при конгениальном подходе) иным систематическим контекстом. Интерес Шелера к социологии знания, используемой им в качестве метода изучения социально-исторического отбора идеационных содержаний, был подчинен цели создания философской антропологии. Мангеймовское определение, помещающее эту дисциплину в более узкий социологический контекст, в терминах его экзегезы звучит как а) исследование социальной обусловленности теорий и типов мышления, б) определение критериев для понимания этой обусловленности, в) разработка соответствующего современной ситуации учения о значении внетеоретических условий знания.

Согласно К. Мангейму, общество детерминирует не только возникновение, но и содержание человеческих идей, за исключением математики и части естественных наук. В эпистемологию и историческую социологию Мангейм включил теорию идеологии, утверждая, что ни одно человеческое мышление не свободно от идеологизирующего влияния

социального контекста, что знание всегда должно быть знанием с определенной позиции. Большое внимание он уделял анализу моделей мышления, на которые имплицитно ориентируется субъект при изучении объекта, указывая на их связь с социальным положением определенных общественных групп и их интерпретацией мира. Разъясняя свою точку зрения, К. Мангейм писал: «...не может быть такой вещи как полностью обособленное мыслящее создание», следовательно, знание, а если брать шире, то и мировосприятие обусловлено местоположением субъекта во времени и пространстве» [22, с. 36].

В последующих исследованиях теорию Мангейма стали называть «радикальной» концепцией социологии знания, в отличие от «умеренной» М. Шелера, а дальнейшее развитие этой дисциплины представляет собой модификацию этих двух концепций [23, с. 24]. Однако, на наш взгляд, радикальная концепция, сформированная К. Мангеймом, отказалась от концептуализации и дальнейшего развития принципа обобщенного взаимодействия Г. Зиммеля, характеризующего смысл связей между мыслительными процессами и социальными формами. Таким образом, из социологии знания была исключена основополагающая эпистемологическо-методологическая проблема. Традиционным в исследовании феномена отношений между социокультурным окружением и научным знанием становится причинный тип связи, для которого характерно предшествование во времени первого явления другому и порождение одного другим, хотя разработанный Г. Зиммелем принцип обобщенного взаимодействия обладает большей эвристической значимостью и «способен учитывать то, что линейная причинность может оставлять в тени» [24, с. 108].

Не рассматривая в деталях существующие варианты определений причинной связи, отметим, что в рамках детерминизма возможны более «мягкие» формы взаимодействия между мыслительными процессами и социальными формами, такие как принцип обобщенного взаимодействия Г. Зиммеля, «связь состояний», «зависимость от условий», коррелятивные связи и синхронизация, не предполагающие предшествования во времени и обязательного порождения и не являющиеся каузальными (тем не менее и не являющиеся случайным совпадением) [25, с. 40–41].

Оценивая суммарную роль трех критических тенденций в переосмыслении западной эпистемологической традиции – идеологической критики, постструктуралистской (литературной) критической концепции и социологии знания, опровергающих представления о деконтекстуализированном содержании знания, К. Дж. Джерджен полагает, что они не содержат в себе позитивной программы действий,

которую, на его взгляд, предлагает социальный конструкционизм, синтезирующий элементы этих критических дискурсов, утверждающий новый образ научного знания и его социальных функций, призванный «функционировать не как деструктивная, а как трансформирующая сила» [17, р. 92]. Отвечая многочисленным критикам социального конструкционизма, протестующим против предпринимаемой в нем попытки реконструкции привычного образа мира и познания, К.Дж. Джерджен подчеркивает, что эта модель эпистемологии не содержит ни утверждения, ни отрицания факта существования «внешнего мира» и «объективной реальности» по отношению к «внутреннему миру» и «личному опыту», т.е. в эпистемологическом отношении он склоняется к агностицизму, а в вопросе «о существовании “внешнего” и “внутреннего”, мира и сознания конструкционизм ни дуалистичен, ни монистичен... он онтологически “нем”» [17, р. 68, 72].

Пытаясь очертить концептуальное пространство, открытое для интерпретаций в терминах конструкционизма, отметим, что конструкционизм как тип эпистемологического анализа, противостоящий индивидуалистической модели познания, является реально действующей программой в различных дисциплинарных исследованиях. При этом суть метатеоретической позиции конструкционизма заключается в отказе от фракционности и отсутствии претензий на исключительность собственных принципов: «...цель конструкционизма, – поясняет К.Дж. Джерджен, – не в том, чтобы уничтожить те формы исследования, которые не совпадают с его посылами... Все формы теоретической интеллигентности – когнитивистские, бихевиористские, феноменологические, психоаналитические и т.п. – обеспечивают культуру дискурсивными средствами для осуществления социальной жизни... Если функции языка скорее прагматичны, чем связаны с передачей истины, то мы вправе воздать должное традиционным метатеориям, теориям и методам за их вклад в развитие ресурсов культуры» [17, р. 141–142].

В соответствии с общеметодологическими установками конструкционизма в терминах социальных отношений происходит переосмысление ряда объектов в психологических исследованиях. В них представлены образцы переосмысления «Я-концепции» с позиций социального аспекта самоповествования; теории, рассматривающие значение как продукт социальных отношений («значение в контексте других»); социоконструктивистским процессам уделяется особое внимание в этогенетической психологической теории (Р. Харре) и в близком к ней дискурсивном анализе. Кроме того, если мне удалось правильно понять смысл культурно-исторической психологии в изложении А.А.Шевцова [26], то это направление, также как и культурная психо-

логия М. Коула [27], во многом ориентированы на использование принципов эпистемологической программы конструкционизма.

Социальный конструктивизм является методологическим основанием научного направления, обозначаемого как «гендерные исследования». Рассматривая гендер как «социальный конструкт», как социально сконструированное отношение неравенства по признаку пола, гендерные исследования, осуществляемые с позиций социальной и рефлексивной критики, утверждают статус женщины или мужчины не как заданный физиологическими особенностями организма, а как «приобретенный», сконструированный социальной реальностью. Даже такой известный критик социального конструктивизма, как Я. Хакинг, вынужден согласиться с тем, что в исследованиях колониализма, расовых и гендерных проблем, а также в некоторых литературных и исторических традициях, этот подход имеет «положительные достижения» [28, р. 4–5].

В социально-психологических исследованиях изучение форм конструирования образа социального мира в сознании социальных субъектов осуществляется в рамках интерпретационной парадигмы с применением методов лингвистического анализа и способов дешифровки значений языковой практики социального сообщества. С. Московичи, развивая дюркгеймовское понятие «коллективные представления», которое он считает одним из наиболее плодотворных в социальных науках, предложил устранить заложенную в нем дихотомию индивидуального и коллективного посредством иного конструкта – «социальные представления», позволяющего переходить с индивидуального аналитического уровня на социальный и обратно, реализующего настоятельную необходимость «наведения мостов между индивидуальным и социальным мирами и осмысления последнего как находящегося в состоянии перманентных изменений» [29, с. 16].

В историко-научных исследованиях этот подход плодотворно использован Я. Голински [30]. Проясняя свою позицию, он предлагает рассматривать его исследование не как апологию или защиту конструктивизма в различных – философской, социологической и др. – формах, но как попытку продемонстрировать его продуктивные, эвристические возможности в области истории науки: «Я более заинтересован в том, чтобы показать, как конструктивистский подход работает в исследовании, чем во вступлении в дебаты о нем на абстрактном уровне... его лучшим оправданием будет демонстрация того, что он может быть продуктивно использован в производстве нового знания и более глубоком историческом понимании науки» [30, р. XI].

Таким образом, не рассматривая в подробностях «дисциплинарную историю» конструкциониз-

ма, и абстрагируясь от дебатов, сопровождающих эту историю, можно констатировать, что конструкционизм представляет собой мультидисциплинарную эпистемологическую концепцию, разрабатываемую в рамках социологии, психологии, социолингвистики, истории и других дисциплин, часто объединяемых общим термином «конструктивистские исследования», акцентирующую неэмпирический характер гносеологических категорий, адекватных в пределах конкретного культурно-исторического контекста, являющихся продуктом совместной деятельности членов сообщества.

Литература

1. Касавин И.Т. Традиции и интерпретации: Фрагменты исторической эпистемологии. М., 2000.
2. Fuller S. Social epistemology. Bloomington, 1988.
3. Dascal M. Artificial intelligence and philosophy: The knowledge of representation // Systems Research. Elmsford. 1989. Vol. 6. № 1.
4. Микешина Л.А., Опенкин М.Ю. Новые образы познания и реальности. М., 1997.
5. Лукина Н.П. Философский анализ социокультурного подхода в науке. Томск, 2000.
6. Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997.
7. Ивин А.А. Истина и ценность // Мораль и рациональность. М., 1995.
8. Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. Вып. XVII.
9. Серль Дж.Р. Что такое речевой акт? // Там же.
10. Ядов В.А. Стратегии и методы качественного анализа данных // Социология: методология, методы, математические модели. 1991. № 1.
11. Becker H.S. Social observation and social case studies // International Encyclopedia of Social Sciences. 1968. Vol. 11.
12. Cooley C.H. Case study of small institutions as a method of research // Publications of the American Sociological Society. 1927. № 22.
13. Yin R.K. Case study research: Design and methods // Applied Social Research Methods Series. L., 1989. Vol. 5.
14. Козина И.М. Теоретические и методические проблемы case-study как стратегии социологического исследования (на примере изучения производственных отношений на промышленном предприятии): Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 1996.
15. Рабочая книга социолога. 2-е изд. М., 1983.
16. Девятко И.Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. М., 2003.
17. Gergen K.G. Realities and relationships. Soundings in social construction. L., 1994.
18. Гурко Е. Деконструкция: тексты и интерпретация. Минск, 2001.
19. Дюркгейм Э. Представления индивидуальные и представления коллективные // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995.
20. Зиммель Г. Социальная дифференциация // Тексты по истории социологии XIX–XX веков. М., 1994.
21. Boudon R. L'art de se persuader. Paris, Fayard, 1990. P. 57; Цит по: Ватье П. Георг Зиммель. Социология знания и когнитивная философия // Социология и социальная антропология. СПб., 1997.
22. Мангейм К. Структурный анализ эпистемологии. М., 1992.
23. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
24. Ватье П. Георг Зиммель. Социология знания и когнитивная философия // Социология и социальная антропология. СПб., 1997.
25. Мамчур Е.А. Проблемы социокультурной детерминации научного знания. М., 1987.
26. Шевцов А.А. Введение в общую культурно-историческую психологию. СПб., 2000.
27. Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего. М., 1997.
28. Hacking I. The social construction of what? L., 2001.
29. Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // Психол. журн. 1995. Т.16. № 1.
30. Golinski J. Making natural knowledge. Constructivism and the history of science. L., 1998.